

— К тому же у него полно достоинств, которых нет у других... — Пытаться исправить сказанное было уже поздно! — Он добрый, оптимистичный, открытый, жизнерадостный, искренний с людьми... Ладно, так и быть, прощаю.

— Я всё это знаю, — Ци Янь прервал Ван Цинюаня. — Иначе, по-твоему, зачем я с ним встречался?

— Любой человек — это смесь достоинств и недостатков, — сказал Ван Цинюань. — Нельзя любить кого-то за его плюсы, а потом заставлять исправлять минусы.

— А разве недостатки не нужно исправлять? — спросил Ци Янь.

— Нужно. Но когда исправить их невозможно, остаётся только принять.

— А если я не хочу?

— Вот потому тебя и бросили.

Ци Янь промолчал.

— И вообще, ты думаешь, у тебя самого недостатков нет? — продолжил Ван Цинюань. — У Сун Фэя просто хромает способность обобщать и делать выводы, так что я скажу вместо него. Ты самонадеянный, авторитарный, твой эмоциональный интеллект ушёл в глубокий минус, характер оставляет желать лучшего, и, по сути, тебе не дано приносить радость любимому человеку.

— Я могу за ночь три раза, — вставил Ци Янь.

— ...Я не об этом!

— Извини, продолжай.

— На чём я остановился? Чёрт!

Для отличника Ван Цинюаня, который ещё даже не вкусил радостей первой любви, подобная пошлость без какого-либо предупреждения была настоящим ударом.

Ци Янь тоже осознал свою жестокость и из сочувствия любезно подсказал:

— Ты сказал, что мне, по сути, не дано приносить радость любимому человеку.

— Да, — Ван Цинюань глубоко вздохнул, пытаясь унять бурю в душе. — Проще говоря, ты его не уважаешь.

Ци Янь сжал губы в тонкую линию и выпрямился, приготовившись внимательно слушать.

Ван Цинюань продолжил:

— Ты можешь указывать ему на недостатки, но не имеешь права навязывать свою волю. Я хоть и не знал тебя раньше и слышал только его версию, но манеру общения, состоящую сплошь из повелительного наклонения, он ведь не мог выдумать.

Ци Янь тщательно припомнил их разговоры и виновато кивнул:

— В целом так и есть.

— В этом-то и проблема, — Ван Цинюань пожал плечами. — Отношения строятся на равенстве, нет кого-то абсолютно правого или абсолютно виноватого. Прекрати постоянно пытаться его переделать, ты его парень, а не учитель. Ты вечно ставишь себя выше него. В долгосрочной перспективе это нарушает баланс, так что твой вылет из этих отношений был неизбежен.

Ци Янь долго молчал, а затем вдруг спросил:

— Зачем ты мне всё это говоришь?

Ван Цинюань нахмурился, словно сам только что осознал этот вопрос, и с досадой ответил:

— Вообще-то я не собирался. Но пообщавшись с тобой поближе, понял, что ты не такой уж и придурок, каким тебя описывал Сун Фэй. Достоинства у тебя всё-таки есть. К примеру, умение спокойно выслушивать критику — это очень редкая широта души... Постой, неужели он имел в виду именно широту?

— А? — удивился Ци Янь.

Почему каждый раз, когда в словах Ван Цинюаня фигурировало что-то «широкое» или «большое», он никак не мог взять в толк, о чём речь?

— Да ладно, забудь, — Ван Цинюань мотнул головой. — В любом случае я всё ещё считаю, что вы друг другу не подходите. Но если ты собираешься изо всех сил вымаливать прощение и сходитья обратно, тебе лучше изменить своё отношение.

— Ты по парням? — спросил Ци Янь.

— А?

— Ты гей?

— Я похож?

— Очень.

— Моя мама тоже так считает, но я правда натурал.

— Тогда мы можем подружиться. И передавай привет своей матушке.

— ...Кто ещё согласился с тобой дружить!

По другую сторону книжного стеллажа Сун Фэй украдкой расплылся в улыбке. Таким он не знал ни Ци Яня, ни Ван Цинюаня: первый казался милым, а второй — тёплым. Ван Цинюань сказал, что Ци Янь его не уважает, но ведь и сам он никогда особо не входил в положение Ци Яня. Сун Фэй всегда считал себя жертвой, думал, что безумно устал, но если выйти за рамки этих отношений и взглянуть на них со стороны, открывался совсем другой вид.

Линь Дилэй как-то спросила его: сейчас будущее туманно, вдруг мы завтра умрём — неужели тебе не будет обидно? Он не знал точного ответа. Единственное, в чём он был уверен, — он не хочет умирать. Он никогда прежде так сильно не жаждал жить. Жаждал испытывать все радости и горести, жаждал семейного тепла, дружбы и любви. Жаждал ходить на пары, слышать, как преподаватель вызывает его по списку, и снова дразнить университетских кошек,

птиц и рыб.

Это желание было настолько мощным и ярким, что могло рассеять любой страх и тьму.

На поле боя в гомоку.

— Мне показалось, или кто-то говорил по-английски? — спросил Цяо Сыци.

— Вилка три на три, ты опять труп, — ответил Чжоу Илюй.

— Чёрт!

На уроке физики.

— Так просто? — спросил Ли Цзиньюй.

— Именно так просто, — подтвердил Ло Гэн.

— Похоже, моего школьного учителя физики перевели к нам из физруков.

На самом верху одного из стеллажей.

Линь Дилэй бесшумно лежала на высоте. Она то смотрела на Сун Фэя, который примостился на полу в проходе между рядами, подслушивал и глупо улыбался, то переводила взгляд на Ци Яня и Ван Цинюаня, сидевших парой рядов дальше. Те явно недолгоблюдали друг друга, но стоило им случайно заговорить о наиболее эффективных методах учёбы, как они мгновенно, подобно разноименным полюсам магнита, притягивались друг к другу. Глядя на них, Линь Дилэй невольно улыбнулась.

Северный ветер за окном постепенно крепчал. Ближе к середине ночи небо должно было затянуться тучами, а завтра утром обещал пойти первый зимний снегопад. Но ребята из 1-го класса ушэн пока об этом даже не подозревали.

Ци Янь проснулся в холодном поту от кошмара, похожего на сонный паралич. Он резко открыл глаза, и первым его ощущением было то, что на улице всё ещё темно. Однако вскоре он понял: рассвет уже наступил, просто небо заволочло тучами, солнца не было, и в книгохранилище по-прежнему царил полумрак.

Совершенно не церемонясь, он сбросил со своего живота тяжелую ногу Чжоу Илюя. Раздался негромкий глухой стук, Чжоу Илюй нахмурился, повернулся на другой бок и продолжил сладко спать.

Ци Янь сел, и укрывавший его пуховик сполз на колени. Остальные ребята тоже спали: у кого-то лица выражали спокойствие, у кого-то — умиротворение, у кого-то — напряжение, а у кого-то... зверский аппетит.

Ци Янь некоторое время с нескрываемым удовольствием созерцал, как у Студента Суна изо рта течёт слюна в три ручья, но потом вовремя сообразил, что это пахнет маньячеством, и с сожалением отвёл взгляд.

Нащупав телефон Чжоу Илюя, он нажал на кнопку разблокировки. Экран высветил время: 8:01 по пекинскому времени.

С тех пор как Ци Янь лишился собственного телефона, его режим сна и бодрствования

окончательно сбился. Поначалу спасали внутренние биологические часы, но в самом выживании не было никакого расписания. Постоянно напряжённые нервы и замкнутое пространство книгохранилища постепенно стёрли его чувство времени.

Прошлой ночью все легли очень поздно. Стоило кому-то перед сном завести разговор, как обсуждение планов по захвату Столовой увлекло всех. Поначалу это были лишь праздные фантазии, навеянные праздничной атмосферой, но слово за слово — и в ходе бурных обсуждений вырисовался вполне жизнеспособный план.

Эта неожиданная удача воодушевила команду. Учитывая, что запасы еды хоть и имелись, но были не бесконечны, а Столовая представляла собой стратегически важный и опасный объект, медлить не стоило. Ребята устроили голосование и большинством голосов — шесть «за», один «против» и один воздержавшийся — приняли решение выдвигаться завтра ночью.

Расстроенный Ли Цзиньюй долго хранил молчание. Потерявший ко всему чувствительность Цяо Сыци приобнял его за плечи и принялся утешать: «Ничего страшного, мы с Чжоу Илюем тоже не умеем лазить по деревьям. Подождём, пока те, кто умеет, затащат нас наверх по веревке». Без вины пострадавший Чжоу Илюй снял кроссовок и запустил им в обидчика. Джонс ловко увернулся, и подошва поцеловала лоб Сяо Дилей.

Вспоминать то, что было дальше, Ци Янь не хотел — боялся растерять остатки веры в человечество.

Накинув пуховик, Ци Янь подошёл к окну. На улице было хмуро и темно, точно в сумерках. Редкие снежинки кружились на ветру: одни опускались на подоконник, другие бились о стёкла, но большинство просто парило в воздухе, не зная, куда приткнуться. Трудно было понять, когда пошёл снег — снежинки были настолько мелкими, что, едва коснувшись поверхности, тут же таяли и превращались в капли. Это напоминало скорее дождь, который намочил края подоконника и украсил стекло водяным бисером.

— Дождь идёт? — Сун Фэй незаметно для всех сел на постели. На его заспанном лице отражалось полное недоумение, а на голове красовалось настоящее птичье гнездо.

Ци Янь обернулся. Глядя на него, он невольно улыбнулся:

— Снег идёт. Но прежде чем интересоваться погодой, может, вытрешь слюни?

Сун Фэй озадаченно моргнул, провёл ладонью по губам и действительно обнаружил, что вся рука мокрая.

Ци Янь тихо рассмеялся. Ему и раньше безумно нравилось, как Сун Фэй выглядит по утрам: тело уже проснулось, а мозг ещё не включился — глупенький, сонный, в такие моменты его было приятнее всего дразнить.